

Правопонимание управленческих решений в трансграничной морской перевозке углеводородов: цифровые технологии хеджирования

Аннотация. В статье исследуется одно из направлений применения права, методологическим инструментом которого является индивидуализированный подход к нормам права с последующим их расширительным толкованием применительно к конкретным правовым ситуациям. Подобным образом определяется вектор нормотворческой деятельности в отношении транспортировки сырой нефти и продуктов ее переработки полностью морским путем. В работе не только отражены основные доктрины правовопонимания, но и представлена оценка их правоприменительного потенциала, способности влиять на формирование отраслевых, межотраслевых институтов права. Рассматривается финансовое посредничество и хеджирование, которое выполняет те же дилерские функции, но с гораздо меньшими затратами, чем классические банковские институты. Особый интерес для автора представляет реализация института производного кредитного инструмента в правоприменительной практике. В работе рассмотрено такое явление, как противостояние естественного и позитивного права в контексте предпринимательской деятельности. Перевозка партий нефтепродуктов рассматривается как возмездное пользование имуществом. Позитивистское правовопонимание видится автору не менее важным. В работе выявлено, насколько оно может послужить основанием для принятия управленческих решений по рыночным рискам, рискам изменения портфелей финансовых инструментов, рискам вероятных убытков.

Операции с цифровым активом вполне обоснованно относятся к сфере хеджирования, если сохраняется причинно-следственная связь между видами базисного актива и стратегией хеджирования, с применением цифровых примеров. Коллизионные привязки к закону валюты платежа, срокам и объемам выплат рассматриваются как в русле стратегий хеджирования, так и утилитарно в контексте совершения записи о переходе прав. Автором делается вывод о предназначении коротких и длинных позиций нетто-активов, хеджируемых против лимитов маржинальной торговли, если обеспечение сделки по транспортировке нефти будет признано недостаточным. Коммерсанты получают заемный капитал под залог своего собственного.

Управленческие решения обеспечивают последовательность идентификации всех актуальных рисков, позволяют привлекать для формирования заемного покрытия исключительно лицензированных контрагентов, регулярно пополняя резервы ликвидных средств при проведении операций с виртуальными валютами, иными обезличенными (в персональном отношении) активами. Управленческие решения рассматриваются как одно из мерил стоимости, хеджирование сходно кредитному договору, так как имеет общую с ним цель — добиться обязательности транша для тех производных финансовых инструментов, которые неизменно сохраняют высокий уровень ликвидности и волатильности.

Ключевые слова: концепция правовопонимания; институт права; морская перевозка нефти; управленческие задачи; цифровой актив; виртуальное хеджирование; сетевые технологии; уступка прав; переход

© Скачков Н. Г., 2022

* Скачков Никита Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
skanic@mail.ru

рисков; кредитное предложение; транш; овердрафт; нефтяные трейдеры; опцион; налоговый вычет; чистая прибыль; инвойс.

Для цитирования: Скачков Н. Г. Правопонимание управленческих решений в трансграничной морской перевозке углеводородов: цифровые технологии хеджирования // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 9–20. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.009-020.

Legal Understanding of Management Decisions in Hydrocarbons Cross-Border Marine Shipping: Digital Hedging Technologies

Nikita G. Skachkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
skanic@mail.ru

Abstract. The paper examines one of the areas of law application that is methodologically based on an individualized approach to the norms of law with their subsequent broad interpretation in relation to specific legal situations. Similarly, the vector of rule-making is determined in relation to the transportation of crude oil and its refined products entirely by sea. The work not only reflects the basic doctrines of legal understanding, but also presents an assessment of their law enforcement potential, the ability to influence the formation of sectoral, intersectoral institutions of law. The author examines financial intermediation and hedging that performs the same dealer functions, but with much lower costs than classical banking institutions. Implementation of the institution of a derivative credit instrument in law enforcement practice is of particular interest to the author. The paper considers such a phenomenon as confrontation between natural and positive law in the context of entrepreneurial activity. Transportation of petroleum products' tenders is considered as a compensated use of property. The positivist legal understanding is seen by the author as no less important. The paper explains to what extent it can serve as a basis for making management decisions concerning market risks, risks of changes in portfolios of financial instruments, risks of probable losses.

Transactions with a digital asset quite reasonably belong to the field of hedging, if there is a causal relationship between the types of the underlying asset and the hedging strategy, using digital examples. Connecting factors to the law of the payment currency, terms and amounts of payments are considered both in line with hedging strategies and utilitarianly in the context of making a record of the rights' transfer. The author draws a conclusion concerning the purpose of short and long positions of net assets hedged against margin trading limits if the security of an oil transportation transaction is found to be insufficient. Merchants receive borrowed capital secured by their own assets.

Management solutions ensure the sequence of identification of all relevant risks, facilitate attracting exclusively licensed counterparties for the formation of loan coverage, regularly replenishing the reserves of liquid funds when conducting transactions with virtual currencies and other impersonal (in personal terms) assets. With management decisions being considered as one of the measures of value, hedging is similar to a loan agreement, since they have a common goal — to gain mandatory tranche for the derivative financial instruments that invariably maintain a high level of liquidity and volatility.

Keywords: concept of legal understanding; institute of law; marine shipping of crude; management tasks; digital asset; virtual hedging; network technologies; assignment of rights; transfer of risks; loan offer; tranche; overdraft; oil traders; option; tax deduction; net profit; invoice.

Cite as: Skachkov NG. Pravoponimanie upravlencheskikh resheniy v transgranichnoy morskoy перевозке углеводородов: tsifrovye tekhnologii khedzhirovaniya [Legal Understanding of Management Decisions in Hydrocarbons Cross-Border Marine Shipping: Digital Hedging Technologies]. *Lex russica*. 2022;75(12):9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.009-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Юриспруденция на современном этапе существует в условиях объективных процессов трансформации основных правовых систем. Надо ли говорить, насколько такая метаморфоза сказывается на взаимосвязи локальных и гло-

бальных институциональных форм регламентации правоотношений, служит предпосылкой для кризиса универсализации юридических норм. В сфере морской транспортировки тяжелых углеводородов — сырой нефти, а также

продуктов ее переработки — проблема обобщенности правовых положений ощущается наиболее остро. Бесспорно, доставка, где констатируются и возмездный характер контракта об оказании услуг, и социальная функция перемещения товара как имущественной ценности, обусловлена экономическим содержанием частноправового института организационных договоров. Как представляется, предмет регулирования того или иного экономического института тоже должен обрести в том числе и твердую юридическую составляющую. Она основывается на претворении в жизнь системы норм регулятивной и волевой направленности.

Между тем новый передел рынка углеводородов указывает на отрицательную сторону взаимодействия (данных норм). Преимущественное значение отводится экономически обоснованному распределению долей главных игроков нефтегазовой отрасли. Риски ценообразования добавленной стоимости работ и услуг для хозяйствующих субъектов в этой связи только возрастают: помимо договора перевозки, коммерсанты вынуждены теперь заключать еще и фьючерсный контракт. Подобным образом они подтверждают свою готовность к исполнению обязательств, пока поставка партии нефтепродуктов не произойдет. Риски валютных колебаний создают существенную проблему, в этом ключе стоит сразу упомянуть практику хеджирования, где и определяется, насколько правовые институты управления публичными доходами способны выполнять функцию инструмента управления активами в целом. В то же время трудно обойти вниманием институты рынка, благодаря им формируются риски потребителей, складывается так называемая наличная их позиция. Комбинируя ее с фьючерсной, удастся получить итоговую позицию нетто, в которой изменения цен или уменьшены, или вовсе устранены.

Однако экономическим их обоснованием всё же является динамика операционных расходов к моменту начала загрузки энергетического сырья в отведенное для этого хранилище. Собственно, сквозь призму экономических принципов рассматривается эффективность действий основного оператора для логистической сети, а также системных, которые отвечают за инфраструктуру платежных услуг, применение регулирующих, надзорных функций. Конечно, здесь стоит упомянуть и об операторе обмена данными цифровых активов. Он отвечает на вопрос, звучащий здесь буквально лейтмотивом:

какие операции с вложениями, вытекающими из них утилитарными правами могут именовать хеджированием. В то время как прибыль от выкупа цифровых активов корректируется за счет применения финансовых инструментов срочных сделок, так же как и баланс доходов, связанный с хеджируемым риском.

Управленческое решение тогда принимается одним из первых, несомненно, оно волевое, преследует цели сузить границы непознаваемого риска, доведя его до уровня относительно допустимого. Правопонимание в этой связи явно дифференцируется от легистского подхода, когда такой критерий установления правомерности, правовой целесообразности, как интуиция рискующего субъекта, подчинен внутренней логике цифрового пространства. Ее внутренняя непротиворечивость фиксируется действующим законом, где обеспечивается взаимосвязь нормативных материалов, их содержательное и смысловое восприятие. Виртуальное хеджирование воспринимается поэтому как сложный комплекс правовых режимов, где регулятивные нормы задают тон всей системе регулирования общественных отношений. Границы правового поведения установлены дуалистично либо как разрешающие, либо как ограничивающие, пресекающие.

Закономерно прослеживается противоречие данного объективно существующего начала с волеустановлением, его атрибутами, такими как нормативно-тарифное предписание, реализация правосубъектности как управленческой задачи через призму длящихся правоотношений. Исход здесь предрешен. Это упрочение антагонизма естественного и позитивного права, наиболее общих их теоретических признаков, с одной стороны, а также реальной юридической прогностики, запланированной на извлечение доходов, соответственно, с другой. Сетевые технологии хеджирования позволяют соотнести показатели чистых балансовых активов с трейдерскими за приобретенную нефть, после того как они воплотились в идентификаторы блокчейна, а также иных сходных с ним программных продуктов.

Хотя, убеждена Р. С. Хак (с коллегами), для цифрового хеджирования гораздо важнее приобретаемая возможность заключать фидуциарные сделки в интересах и по поручению третьих лиц. Запрограммированная буквально достоверность стоимостной оценки обуславливает возмездный характер заключаемых контрактов. Однако действует данное условие для того, кто,

что называется, включен в систему, разделяет предложенный ей порядок проверки истории транзакций¹.

В этой связи предугадываются разноаспектные группы управленческих решений. Определенный их массив принимается онлайн-брокером, он помогает частным инвесторам (оплачивают перевалку LPG — попутного нефтяного газа — на специально подготовленном для этого морском терминале) в организации сетевых торгов. Хеджируются тогда так называемые позиции — нетто против риска изменений в стоимости базового актива, тем самым приобретается возможность приравнять кредитное плечо к разряду управленческих приемов.

Формально они открывают мультивалютные счета. Хотя на деле их предназначение несколько иное: предназначены для погашения рисков оспаривания необеспеченных сделок, свидетельствуют о просчетах конструирования кредитного портфеля, наступающих рисках системного дефолта компании — экспортера нефтепродуктов, которые иной раз слишком велики. Укажем и на изъяны логики при составлении договора инвестиционного займа, изоляцию активов, когда водораздел между финансированием посредством гарантий обеспечения, а также за счет продажи активов, оказывается непреодолимым. Вследствие чего приходится мириться с существенными ограничениями на доступ к финансовой информации.

Однако тому же поручителю непросто возложить на себя ответственность, назначенную должнику, поскольку сначала следует определить место в правоотношениях для субъекта кредитной истории. Можно не рассчитать все ее транши по коэффициентам взвешенных рисков, особенно если сведениями о показателях достаточности капитала то или иное лицо располагает едва ли.

Искомые нормативы между тем установлены, согласно измерениям прибыльности активов, более известным как Стандарты «Базель III» (окончательно вступили в силу с 1 января 2022 г.). Насколько они сопоставимы с виртуальным хеджированием? Некая связь, несомненно, существует, скажем, операционные риски реализуются не только в цифровой

среде, но и в целом типичны для нашей повседневности, окружающей нас юридической действительности, где прямые потери возникают, наверное, много чаще.

Тогда как мотивированные аргументы заемщикам, почему им стоит ограничить потенциальный объем кредитных рисков, способны снискать себе применение как в сфере интернет-банкинга, так и далеко за ее пределами. Вместе с тем хеджирование предшествует идентификации кредитных рисков, необходимо, чтобы действия относительно их объекта и порядка расчета предусматривались в основном договоре (купли-продажи, перевозки партии нефтепродуктов). Там же, собственно, и содержатся такие процедуры, как прием нефти оператором, сдача ее получателю, учет качества «черного золота». По мнению У. Н. Хофельда, данные контракты примечательны в том числе и своей правоприменительной позицией, которая интегрируется в правоотношение, закрепляя сравнительно глубоко правовой статус субъекта обязательства, требования к нему, его обязанности, привилегии, а также отсутствие полномочий².

Вместе с тем выработка управленческих решений больше подчинена созданию стоимости, основывается на двух основных ее критериях — доходности и риска. Как таковое хеджирование предотвращает наступление неблагоприятных внешних факторов, максимально близких к рискам. Прибыль тем не менее продолжает оставаться стабильной, большой доход, конечно, извлекаем, но совокупному размеру заемных средств отвечает едва ли. Предварительно надо передать риски. Одни субъекты хозяйствования хотят от таких рисков полностью избавиться, настолько, что даже готовы за них дополнительно заплатить, другие, напротив, готовы подобные риски принять, но тоже отнюдь не бескорыстно, а за высокое вознаграждение.

Помимо страхования полученных рисков, данным выгодоприобретателям приходится решать и сложную весьма задачу замещения одних условий финансового инструмента другими, например вместо извлечения базового актива целиком добиться всего лишь изменения его цены. Управленческие решения

¹ *Haque R. S., Rodrigo P., Brend P., Nelson R. Blockchain Development and Fiduciary Duty // Wake Forest University Research Papers Journal. February 2020. Vol. 139. P. 146.*

² *См.: Хофельд У. Н. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / сост. и пер. с англ. А. А. Гайдамакина; под науч. ред. М. В. Антонова. СПб., 2016. С. 59–92.*

принимаются с целью структурирования тех финансовых продуктов, которые как минимум позволяют погасить колебания курсов криптовалют. Как максимум определяется порядок «овеществления» цифрового имущества, а точнее — включения его в общую систему регулирования частноправовых институтов.

При этом трудно усомниться: цифровые процессы только соприкасаются с правовой материей, тогда как углеводороды в юридическом смысле материальны — это все вещи, обусловленные родовыми признаками. Правопонимание указывает на существенные условия договора по реализации нефти и нефтепродуктов, неважно, установлены ли они законом или сформулированы в коммерческом соглашении об использовании провозных емкостей. Вместе с тем объект такого договора гражданско-правовых отношений, работ, а также услуг, иные условия такого договора всецело определяются законодателем.

Бесспорно, он заинтересован в надежности компании — перевозчика нефтепродуктов, предоставленной ему возможности сразу после выплаты процентов произвести оплату еще и основного долга, избегая рисков ресурсного обеспечения и прежде всего формирования крайне запутанного клубка встречных обязательств. Хеджирование в этой связи воспринимается как система заключения срочных сделок, дата их исполнения привязана к срокам уплаты основного долга. Казалось бы, самое время предусмотреть, какие из параметров риска относятся к категории наиболее волатильных, для них ключевым нормативом эффективности, стоит заметить, является цена на нефть.

Ее формирование происходит с дисконтом к одному из маркерных сортов, а поэтому всегда будет, наверное, иметь критиков. Во всяком случае, стоимость той партии углеводородов, что была погружена сразу после переработки, учитывается в интересах потребителей по договору купли-продажи, но никак не перевозчиков. Последние вынуждены брать кредиты в надежде на списание части понесенных затрат по расчетному счету. Однако и потребность получателя в заемном финансировании тоже может оказаться высокой. Банки предлагают им продолжить заключать хеджирующие сделки,

но с одной небольшой поправкой — данные контракты включаются в кредитный договор как обязательное условие выдачи транша.

Оттого, стоит подчеркнуть, принятые управленческие решения сразу ориентируются на результат — построение формализованных моделей бюджетного прогнозирования, куда закладывается не механизм управления рисками, а синтез источников угроз, методологическая проработка приемов нейтрализации их критических последствий.

Правопонимание, в свою очередь, стремится установить границы договорной свободы, где, как прокомментировал исследователь Я. Шапп, беспрепятственность заключения контракта определяет широту его содержания³.

В целом похожей точки зрения придерживается и М. Педрам. Как убеждает ученый, «свобода договора тождественна способности к правовому регулированию». Она призвана дополнить всеохватностью субъектный критерий — «картину предстоящих изменений соглашения должника, а также кредитора, не говоря уже о критерии территориальном»⁴.

Цифровизация здесь удобна: несомненно, стоит оценить упрощение формальных требований к сделкам, расширение возможностей для организации, осуществления контрольных процедур исполнения договора, неукоснительность продажи прав требований. Нельзя не упомянуть и о гарантируемой множественности субъектов правоотношений. Сохраняется также определенная степень защиты от влияния третьих лиц, тем самым принцип диспозитивности реализуется практически беспрепятственно. Вместе с тем надо признать, что столь многообещающие технические средства едва ли станут системообразующими элементами видов, а также типов договоров. Базовые принципы, как а fortiori (в части дозволенности выбора контрагента), так и относительно способов заключения договора, осмотристельности при обмене результатами хозяйственной деятельности поколеблены едва ли.

В этом ключе, как сформулировано в томе IV «Нормы по международному частному праву» Гражданского кодекса Аргентины (с учетом изменений, а также дополнений, датированных 2014 г.), не важно, каким именно образом контрагенты определяют материальное содержа-

³ Шапп Я. Система германского гражданского права. М. : Международные отношения, 2006. 357 с.

⁴ Pedram M. Enforcing Property Rights Through the Elements of Free Market; A Case for Iran's Bankruptcy law // Baku State University Law Review. 13-30 (2021). P. 18.

ние контрактных условий. В то же время данное намерение будет признано несостоятельным, если оно заставит усомниться в действительности договора. Согласно Вводному закону к Гражданскому кодексу Бразилии (в редакции Закона № 13.555 от 2018 г.), оферта может проявляться и как определенное внешнее обстоятельство, где преобладают сугубо программные, цифровые алгоритмы заключения контракта. Однако если она каким-либо образом высказана, то применяется правопорядок того государства, что в ней зафиксирован.

Публичный порядок видится тогда воплощением императива обеспечения безопасности: контроль рисков, наконец, достигнут, их индикаторы преобразуются в социально-правовой институт. Правопонимание прибегает к системно-отраслевому подходу, опирается на потенциал прикладных юридических конструкций, что позволяет разрешать непростые весьма вопросы правоприменения, а также правореализации.

Заслуживает внимания и такой постулат, как целесообразность затрат для тарифного плана, когда спорных налоговых маневров предпочтительно избегать, минимизируются, исходя из этого, риски асимметричной корректировки затрат. Управленческие решения устанавливают пределы лимитов овердрафта, соотношенные, насколько это реально, с кредитным предложением, ранжированным по платежеспособности заемщика, а также стоимостному объему кредитной истории.

Выскажемся и о рыночных оценках понесенных издержек, особенно тех, что возникают к моменту начала исполнения сделки. Подразумевается исходный для данного случая рамочный договор хранения партии углеводородов в пределах предоставленного пространства — рейдового перегрузочного комплекса. Необходимым условием такого контракта является отсутствие четких границ опосредуемого им правового режима. Дополнительное соглашение о гарантиях головного исполнителя позволяет упорядочить расходы, возложенные на будущего кредитора, стоит ему только проинформировать принципала о начале предоставления обеспечения.

При этом требования последнего признаются состоятельными не с наступлением сроков исполнения всех иных (юридически обязательных) контрактов, а после согласования регуляторных требований к извлекаемой прибыли. Возврат проблемных кредитов производится

на уровне двух связанных между собой групп рисков изменения ее стоимости, а также обесценивания полученных активов. Риски переоценки классов опасности на стадии приобретения нефтепродуктов, а также продажи носят предпринимательский характер, гражданская ответственность лица формируется в пределах вклада: с восполнением дефицита страхового покрытия.

Хеджировать возмещаемые убытки между тем очень непросто, позиция по риску еще только складывается, однако переоценка размера доходов, получается, уже началась. Дериватив, иной производный финансовый инструмент, в этом аспекте много лучше защищен от неизбежно возникающих ограничений распределения риска. Отнюдь, даже презюмируется обратная им закономерность — при общем падении выручки показатели кредитного транша (RFT), напротив, возрастают. Управленческая проблема зиждется тогда на осуществлении операций с остатками средств, величина их открытых позиций неуклонно снижается.

Однако возрастают риски перевозчика нефтепродуктов как субъекта контрольных функций, когда рассматривается вопрос о правомерности контрактных отношений. В соответствии с п. 2 ст. 2.1.14 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (редакция 2016 г.), контрагенты-исполнители, очевидно, и впредь склонны взаимодействовать между собой, развивая договорную кооперацию, расширяя границы сопровождающих ее сделок. Для этого положения договора с открытыми условиями изменяются в сторону прозрачности (большей), а также взаимности, эквивалентности встречных предоставлений.

Последний из квалифицирующих признаков между тем оценивается двояко. Так, благодаря ему, компании-агрегаторы нефтепродуктов смело могут заявлять об оказании сервисных услуг либо посреднического, либо примирительного характера. Поэтому даже обезличенные персональные данные (после обработки на соответствующем сервере) не умаляют способности правообладателя дать встречное предоставление потребителю. Выполненное в форме родового имущества, оно несколько отличается от того, что обычно предоставлено грантором и образует собой некую сумму. Получатель партии нефти, продуктов ее переработки, сформулировано в Рекомендациях Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР/OECD) от 24.03.2016 «О юридических

инструментах обеспечения прав потребителя в сфере электронной коммерции», уполномочен распространить свойства защиты прав, которыми встречное предоставление, несомненно, обладает, на любую из так или иначе совершаемых транзакций. Не имеет значения, преследует ли она цели извлечения прибыли или нет⁵.

Вместе с тем встречное предоставление свидетельствует о равноценности услуг: по договору их оказания и в порядке мотивированного ответа потребителя. Взаимность здесь сопряжена с имущественной самостоятельностью контрагентов. На первый план как составная часть обязательства и в качестве поднормативного (управленческого) регулятора, скорее всего, выносятся опционный контракт.

Экономическая его природа понятна. Она неразрывна с многообразием производных инструментов, вытекающей отсюда практикой наделения основных фондов, обращающихся на вторичном рынке, правомочиями распоряжаться базисными активами третьих лиц. Растущая их концентрация убеждает то или иное лицо в необходимости возложить на себя функции добросовестного приобретателя обременений прав.

Любое обременение содержит в себе две стороны: ретроспективную — наступление мер ответственности, и позитивную — восстановление прав. Правопониманию присуща приоритетность использования механизмов защиты, обозначенное выше возобновление приостановленных правомочий — действенное средство нейтрализации рисков утраты возмещения, невозможности вернуться к состоянию *status quo ante*. При его посредстве очерчивается сфера применения *de lege lata* правовых институтов, существующих в одной стране и за пределами первого из государств.

Правопонимание оттого варьируется: ссылки на вполне определенные юридические факты, благодаря им, значение избранного порядка уже не опровергнуть, сочетаются с признанием правоприменительным органом иностранной юрисдикции множественности фактических обстоятельств. Их общность складывается из единиц измерений, таких как ясно установленная гипотеза регулятивных норм, относительно определенная их диспозиция, где закрепляются правовые возможности участников обязательства, наконец, совершенно не-

очевидная на фоне корректировки позитивного права санкция.

Опционные соглашения не лишены тогда ограничений, возможно и неведомых законодателью той страны, где исполняется данный договор. Это, сказано в Законе Китайской Народной Республики «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» (принят 28.10.2010 на 17-м заседании Постоянного комитета 11-го Национального народного конгресса, действует с учетом разъяснений Верховного народного суда КНР от 10.12.2012), та действующая формула прикрепления, которая призывается снизить кредитные риски. Однако правоприменительные органы другого государства могут придерживаться и более взвешенной позиции (на фоне отказа от территориальных привязок к месту выполнения обязательства разрешение коллизионного вопроса производится в пределах волеизъявления сторон).

В первую очередь они устанавливают, внешние либо одни только внутренние признаки кредитного риска указывают на бремя собственника по передаче заемщику еще и рисков неосновательных платежей. Следующим шагом становится платежная оценка рыночной цены кредитного производного инструмента как ценностный ориентир для принятия управленческих решений. Хеджируются тогда дополнительные затраты, связанные с изменением стоимости заемных средств (активы во владении могут и отсутствовать, соглашение об их уплате сродни условному обязательству кредитного характера).

Валютные риски тем не менее растут, особенно сегодня, когда санкционное давление на нефтегазовые доходы беспрецедентно, а с началом распределения бюджетных правил обеспечивается лишь покрытие расходов по базовой цене на нефтепродукты. Восполнить недостающие звенья, выпадающие доходы уготовано, стоит предположить, прибыли по другим финансовым операциям. Практика едва ли намерена допустить здесь узость правопонимания. Однако новые источники правосознания, за которыми признается юридическая сила, иной раз ограничены либо в реализации самих прав, либо в обращении к иным формам выражения норм, правовых конструкций, напротив, делающих такое осуществление возможным.

⁵ Consumer Protection in E-commerce: OECD Recommendation (2016). P. 9 // URL: <https://www.oecd.org/sti/consumer/ECCommerce-Recommendation-2016.pdf> (дата обращения: 08.09.2022).

Инструментарий обязательственного права вместе с тем выстроен традиционно, контрагенты вынуждены закладывать в нем дополнительные основания для зачета полученных средств.

К примеру, преимущества от сделки приобретения продуктов переработки нефти имеют юридические последствия, если в договоре сделана предусмотренная тем же Законом Бельгии от 16.07.2004 «О кодексе международного частного права» (последние изменения, а также дополнения датированы 24 июля 2017 г.) оговорка о беспрепятственном определении действительной стоимости вещи.

При этом политически ангажированный потолок цен на нефть сложно причислить к категории справедливой стоимости, фактически это и не цена даже, а единица измерения, величина, установленная оценщиком соответствующего торгового лота. С каким именно остатком сальдируется полученный актив, возможно ли хеджировать риски и одновременно погашать производные обязательства — остается только предполагать. Во всяком случае, можно хеджировать разве что изменения в балансе обязательств или оборотные активы, главное — нейтрализовать группу рисков, твердо связанную с прогнозируемой чистой прибылью. Сложности виртуального хеджирования в этой связи возникают при необходимости прибегнуть к так называемому фрактальному учету.

Само понятие «фрактал» скорее из области высшей математики, между тем явно нашло применение в экономике, даже юриспруденции, относительно системы оценочных показателей чистых активов и пассивов, открытой сервисным контрактам с провайдерами «облачных» хранилищ информации. Структурность договорных отношений проявляется как в пространстве, так и во времени. Разные элементы цепочек контрактов тем не менее обладают похожестью общего, а также частного, чем, собственно, и отражают адаптивность моделей потокового сбора данных ожиданиям респондентов программ первичного статистического наблюдения.

Составители Гражданского кодекса Нидерландов 2011 г. (кн. 10 «Международное частное право»), стоит заметить, допускали всю ту же многоаспектность случайного, когда в противовес предстоящей прогностике предлагается альтернативный сценарный подход. Сформулировано положение, признающее многообразие форм реализации права, но неизменно добровольно для контрагентов. Управленческое ре-

шение вместе с тем принимается *hic et nunc* (лат. — здесь и сейчас), оно рассчитывает на правовую интерпретацию алгоритмов модальности (долженствования) в ходе оказания услуг, когда цена сделки устанавливается в измеримых единицах.

Однако потенциальная их вариативность становится тогда особенно заметной на фоне наличия или отсутствия обеспечительных механизмов возврата выданных средств проблемного кредитного портфеля. Она подводит к утилитаристскому правопониманию, где ключевое место отводится процессу создания дополнительных ценностей, предназначенных правообладателю. Конечно, остается открытым вопрос об их эквивалентности строго определенной стоимости, принято ли в таком случае придерживаться нормативов открытости цифрового кода.

Между тем выгодоприобретателю, тому, кто извлекает прибыль из перевозки нефтепродуктов, гораздо более важно знать, насколько сопряжены возникающие по сделке субъективные права, а цифровое обозначение всё же элемент содержания правоотношения, и объективные обязанности в сфере удостоверения имущественных прав. Для чего, согласно Гражданскому кодексу Мальты (в редакции 2015 г.), такому контрагенту достаточно резервировать для себя категорию вещных прав с размещением опциона по стоимости. Тогда как другому лицу, например страховщику, предстоит долгое ожидание. Он вынужден согласовать каждую из стадий отчуждения доли в имуществе, включая внесение в договор существенного условия заплатить потенциальному продавцу сумму продажной цены за вычетом активов модели «пут», чтобы при оплате опциона группы «колл» не возникало проблем с вычетом скидок и формированием чистой прибыли инвойса.

Управленческие инициативы заключены в открытии платежных интерфейсов, чаще всего класса NTP (Networked Trade Platform), которые расширяют границы системы «единого окна», которая вносит в порядок взаимодействия нефтяных трейдеров и их бизнес-партнеров правовые горизонты кредитования P2P. Как утверждает С. Сазерленд, институты P2P и P2B действительно могут стать своего рода панацеей. Вместе с тем грамотный подход к ним основан на существовании по крайней мере законодательного акта о порядке применении технологий Big Data, которые не обремене-

няют субъектов предпринимательства еще и посредническими услугами только потому, что полностью отвечают одному из существующих в мире Общих регламентов защиты баз данных (GDPR)⁶.

Нормативные подходы к процессу получения опционной премии при оплате услуг лица, только собирающего сведения, которые имели бы коммерческий интерес, наоборот, едва ли отличаются определенностью. С точки зрения Р. Израелова (а также его соавтора), эффективность опционных моделей носит поэтому отлагательный характер. Она зависит от проявления рисков *ex post*, монетизации предстоящих сделок, скажем, наконец, о желании держателя доходов реализовать совместно с опционом неограниченные возможности по переводу прибылей⁷.

Принятие управленческих решений, очевидно, нивелирует вопросы потестативности покупной цены. В то же время такая денежная сумма, выплаченная уполномоченному лицу, постоянно меняется, приходится каждый раз снова определять ее числовые значения, сроки индексации, порядок формирования денежных потоков. Исследователи, видимо, считают, что ожидание, когда остатки основной суммы долга начнут хеджироваться по сохранившей волатильность части производных финансовых инструментов, сродни риску неплатежей.

Сразу тогда возникает вопрос: воспользуется ли правопорождающими фактами непосредственно сам перевозчик либо передаст существующие здесь титулы, кредиторский и на имущество, привлекаемому для исполнения основного договора лицу?

Заметим, что времени на всё это перевозчику отводится мало: пока тот же бенефициар не успеет приобрести по выкупной цене у субъектов транспортного обязательства, понесших расходы на взыскание задолженностей по договору поставки, правомочия отчуждать долговые требования. Стоит ему возвести себя в разряд еще и хранителя партии углеводородов на завершающих стадиях перевозки, как он, помимо всего остального, заключает казуальную сделку-передачу имущества, выгодную хотя бы тем, что ее основу по-прежнему составляет рамочный договор. Конечно, целевой его харак-

тер может рассматриваться правоприменительным органом уже несколько иначе.

Так, обеспечение признается одним из наиболее существенных контрактных условий. Но объективная его сторона затрагивает ту часть заключаемого контракта, где предстоит сформироваться порядку доверительного управления активами. Логика ст. 2011 Французского гражданского кодекса в этом плане безукоризненна. Ссылка на действующий закон той или иной страны между тем предъявляет повышенные требования и к юридической технике, а точнее — такому приему, как буквальное толкование, внутренне понятному. Между тем в данной содержательности и скрывается коллизия, поскольку такое свойство правопонимания, как универсальность, может получить самую широкую интерпретацию в нормах общего договорного права.

Хотя основание любой сделки заявлено прежде всего как категория достаточности доводов, аргументов: нормы парные уступают, наконец, место нормам специальным. Посредствующее звено между конкретикой фактических отношений и зачастую умозрительностью правил юридического поведения в договорных отношениях заполняется определениями правового результата сделки, ссылками на частный характер волеизъявления. Особо прослеживается водораздел между обязательствами, а также иными юридическими фактами. Так и формируется цивилистическая квалификация сделки во всем многообразии бизнес-моделей: либо неукоснительных, либо оспоримых. Технологические приемы, имеющие коммерческую ценность (действительную или потенциальную), тесно связаны с методами принятия управленческих решений, где проверка корректности экономического смысла той или иной трансграничной сделки дополняется отраслевыми критериями разграничения ее и юридического поступка. Вместе с тем сфера IT, когда можно по-особому взглянуть на волевой акт заключения контракта, собственно, соглашение сторон, алгоритмизацию договорной работы, привлечение цифровых денежных средств, считается нормальной данностью для множества правовых систем. Сюда также стоит добавить и такой элемент, как активные дей-

⁶ Sutherland S. A. Legal Data and Information in Practice; How Data and the Law Interact. New York : Routledge. 2022. 171 p.

⁷ Israelov R., Kelly B. Forecasting the Distribution of Option Returns // The University of Chicago Scientific Papers, Capital Management Magazine. September (7) 2017. P. 4.

ствия субъектов права. Речь тогда пойдет об осознании ими необходимых вопросов применения юридических фактов, когда подводится логическая черта под контурами будущего правопорядка — анализируются все грани его фактической реализации.

Правосознание, а также правопонимание заслуженно занимают первые строчки списка наиважнейших комплексных, общеправовых категорий. Еще Р. Иеринг подчеркивал, что «как таковым формированием понимание права служит практическому проведению принципов справедливости во все жизненные отношения»⁸.

Принимая данное заключение во внимание, правовед Б. Богларка и его коллеги прогнозируют с большей долей вероятности субъективизм локализации финансовых транзакций, цифрового протекционизма, из предпочтительной альтернативы он становится антистимулом. Тогда как технологизация права в контексте нормативизма (воплощает юридическое бытие), появление глобальных систем защиты платежных баз выплат, напротив, предопределены⁹.

Трансграничная морская перевозка нефти, продуктов ее переработки едва ли не подвержена такой особенности юридического мышления, как сугубо нормативистское прочтение отраслевого законодательства той или иной страны. Правопонимание, собственно его применение отождествляются с формальной определенностью юридических норм. Много проще было бы продолжать здесь практику ранжирования, направив их действие, скажем, на администрирование расходов, для чего, согласно принятому акту, и устанавливаются пределы применения материально-правовых предписаний. Одновременно прослеживается нормативная привязка к издержкам в счет еще не оказанных услуг и в силу уже исполненного контракта.

Однако при оценке нематериальных активов перевозки нефтепродуктов на избыточных затратах принято экономить. Прогнозируется стоимость воспроизводства не финансовых ресурсов, а их дополнительных потоков, имеющих ценность. Управомоченному лицу предлагается тогда удовлетвориться сделками, заключаемыми, по сути, вразрез с бизнес-стратегией, где

объект управления, рисковый профиль финансового планирования, вместо текущего состояния портфеля кредитов ориентирован на ожидаемые результаты корректировки показателей дебиторской задолженности.

Как следствие, расходы на приобретение партии углеводов будут определяться согласно тому законодательству, которое покроет разницу между рыночной стоимостью при раскрытии управленческих задач, а также продажной ценой данного товара по заключенному договору и без учета НДС.

Первооснова для приобретения прав на имущество заложена тем не менее твердо, его получатель уже на стадии приемки товарной партии признается добросовестным участником сделки (в соответствии с § 932 Германского гражданского уложения). Вместе с тем, сто́ит обратиться к Гражданскому кодексу Испании (ст. 453, в редакции 2013 г.), как то же управленческое решение сразу воплотится в отлагательную обусловленность стратегической задачи. Хотя лицо и несет бремя содержания имущества, но в положение владельца поставлено разве что *de lege ferenda* — для законодателя определяющим по договору купли-продажи является приобретение, стоящий за ним перенос прав собственности. Отличия от сбытовых сделок тогда минимальны, видимо, поэтому под отчуждением понимают сразу обращение продавца к покупателю, минуя при этом сферу операций товародвижения.

В то время как договоры торгово-распределительного характера изобилуют сведениями, опосредующими их предмет. Подобным образом подтверждается исполнение обязательств получателя перед плательщиком денежных средств, неважно, одним ли документом удостоверяется назначение выплат, или, напротив, формируется длинный перечень позиций, каждая имеет непосредственное отношение к ценным бумагам. Главной целью отраслевых институтов становится повышение действенности защиты объективно существующих гражданских прав. Между тем системообразующие элементы межотраслевых связей дифференцируются много быстрее, чем удается исключить субъективизм правоосознания.

⁸ Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. Н. Н. Губского. М., 2017. С. 51.

⁹ Boglarka B., Bence A. G., Kilen O. M., Lilla N. K., Mariks H. Summary of the «Dialogue on the Future of Europe: Building a Digital European Union». Conference Organised by the Ministry of Justice and the Ferenc Madl Institute of Comparative Law as Part of the «Conference on the Future of Europe» Series // Central European Journal of Comparative Law. 2021. Vol. II. November. P. 263.

Подводя итог, стоит заметить следующее. Правопонимание продолжает оставаться категорией сугубо научной, оно включает в себя познание права как целостно существующего социального явления. Прослеживается в этой связи взаимосвязь собственно правопонимания, а также правоприменения, когда индивидуализированному подходу к юридическим нормам не чуждо и расширительное их толкование в контексте применения правопорядка той или иной страны. Современное состояние правосознания характеризуется тогда отказом от догматизации социальных регуляторов, опорой на ценностные характеристики строго определенного нормотворческого акта, когда все закономерное в нем, по гегелевскому определению, еще и разумное. Стоит поэтому особо упомянуть такие процессы, как обновление административных практик, приемов нормотворчества, юридической техники в целом, ревизия позитивистской методологии.

Управленческие решения, бесспорно, многофункциональны. Помимо осуществления той управленческой задачи, ради которой они принимаются к исполнению, можно также выделить выбор права именно как волевой акт, преодоление рисков договорной работы, наконец, построение системы менеджмента качества. Применительно к морской транспортировке углеводородов управленческое решение обладает всеми качествами процессной модели: оно следует определенной проблематике, одновременно конструирует план дальнейших действий, кроме того, ориентировано на определенный результат. Вместе с тем замечен и социально-экономический эффект: заключение договора, получение прибыли.

Рынку перевозок нефтепродуктов сегодня присущ целый ряд рискообразующих особенностей, прежде всего высокая степень политизации. Предпринимателю уже трудно предпринять управленческие действия по возложению риска на свою ответственность. Потери в случае наступления рискованного события явно несоизмеримы с теми, что были запрограммированы при прогнозировании рисков. Правопонимание воплощено в многообразии титульного обеспечения, с отысканием надежного кредитора.

Вместе с тем данная хозяйственная операция не избавлена от серьезных налоговых рисков. Правоприменительные органы ищут способ истолковать для контрагентов понятие

«осуществление сделки» и этим исключить даже мысль о правовой неопределенности в отношении конкурентных, а также административных норм, чреватой дополнительными предпринимательскими рисками. Хеджирование чаще всего направлено на преодоление риска убытков из-за отрицательного изменения процентных ставок, валютных курсов. Управленческие решения содержат волеизъявление субъекта хозяйствования о порядке фиксации условий купли-продажи биржевого актива в оговоренный к моменту заключения сделки срок. Покупатель фьючерсного контракта ничем не рискует, поскольку изначально получает прибыль, тогда как продавец защищен от рисков падения фактической цены базисного актива.

Но волеизъявление приобретателя партии нефтепродуктов едва ли в состоянии поколебать риски умаления интересов участников торгов. Даже будучи автономным, оно разрешает произвольное ценообразование в отрыве от основных, расчетных фьючерсов. Управленческое решение, с одной стороны, гарантирует продажу актива, а с другой — стремится предотвратить прекращение торгов с отрицательным результатом. Для чего и принято пользоваться производными финансовыми инструментами.

Управление рисками считается эффективным, если удастся провести водораздел между изменчивостью количественных, качественных характеристик (рисков). Постановка управленческой задачи определяется систематизированным множеством результатов, иначе говоря — алгоритмом действия. Юридические модели, в отличие от их логико-математических разновидностей, более прозрачны и не настолько формализованы.

Хеджирование отвечает за ценность цифровых данных, где риски определяются такими показателями, как большой объем, разнообразие, наконец, высокая скорость внесения изменений. Виртуально тогда хеджируются планирование денежных средств, а также инструментальный контроль ликвидности: за поступлениями, предназначенными для компенсации принимаемых страховщиком потенциальных рисков. Тогда сложное сочетание вероятностного наступления рискообразующего события, а также вполне осязаемых последствий, неопровержимо свидетельствует о крайней уязвимости стоимости активов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иеринг Р.* Борьба за право / пер. с нем. Н. Н. Губского. — М., 2017.
2. *Хофельд У. Н.* Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / сост. и пер. с англ. А. А. Гайдакина ; под науч. ред. М. В. Антонова. — СПб., 2016. — С. 59–92.
3. *Шапп Я.* Система германского гражданского права. — М. : Международные отношения, 2006. — 357 с.
4. *Boglarka B., Bence A. G., Kilen O. M., Lilla N. K., Mariks H.* Summary of the «Dialogue on the Future of Europe: Building a Digital European Union». Conference Organised by the Ministry of Justice and the Ferenc Madl Institute of Comparative Law as Part of the «Conference on the Future of Europe» Series // Central European Journal of Comparative Law. — 2021. — Vol. II, November.
5. *Haque R. S., Rodrigo P., Brend P., Nelson R.* Blockchain Development and Fiduciary Duty // Wake Forest University Research Papers Journal. — February 2020. — Vol. 139.
6. *Israelov R., Kelly B.* Forecasting the Distribution of Option Returns // The University of Chicago Scientific Papers, Capital Management Magazine. — September (7). — 2017.
7. *Pedram M.* Enforcing Prorerty Rights Thorough the Elements of Free Market; A Case for Iran's Bankruptcy Law // Baku State University Law Review. — 13–30 (2021).
8. *Sutherland S. A.* Legal Data and Information in Practice; How Data and the Law Interact. — New York : Routledge, 2022. — 171 p.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Jhering R. Borba za pravo [The fight for the right]. Tr. by N.N. Gubskiy. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Hofeld UN. Nekotorye osnovnye yuridicheskie ponyatiya v prilozhenii k sudebnoy argumentatsii [Some basic legal concepts in addition to judicial argumentation]. In: Antonov MV (ed.). The basic legal concepts of Wesley N. Hofeld. Tr. by A. A. Gaydamakin. St. Petersburg; 2016. (In Russ.).
3. Schapp Ya. Sistema germanskogo grazhdanskogo prava [The system of German civil law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2006. (In Russ.).
4. Boglarka B, Bence AG, Kilen OM, Lilla NK, Mariks H. Summary of the «Dialogue on the Future of Europe: Building a Digital European Union». Conference Organized by the Ministry of Justice and the Ferenc Mdl Institute of Comparative Law as Part of the «Conference on the Future of Europe» Series. Central European Journal of Comparative Law. 2021. Vol. II. November.
5. Haque RS, Rodrigo P, Brend P, Nelson R. Blockchain Development and Fiduciary Duty. Wake Forest University Research Papers Journal. February 2020;139.
6. Israelov R, Kelly B. Forecasting the Distribution of Option Returns. The University of Chicago Scientific Papers, Capital Management Magazine. 2017;7 September.
7. Pedram M. Enforcing Prorerty Rights Thorough the Elements of Free Market; A Case for Iran's Bankruptcy Law. *Baku State University Law Review*. 2021;13-30.
8. Sutherland SA. Legal Data and Information in Practice; How Data and the Law Interact. New York: Routledge; 2022.